Ф-37

1799—1899.

Пушкинъ на Кавказѣ.

Составилъ и издалъ

К. М. Бѣгичевъ.

ТИФЛИСЪ.

1899.

К68 8/32

Пушкинъ на Кавказѣ.

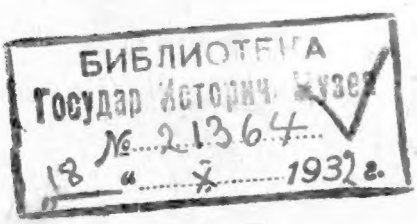
Составилъ и издалъ

К. Ж. Бѣгичевъ.

ТИФЛИСЪ.
Типографія К. П. Козловскаго. Головин. просп., № 12.
1899.

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 5-го апрѣля 1899 года.

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА



1799—1899.

Въ 1829 году А. С. Пушкинъ, находясь подъ административнымъ надзоромъ, поѣхалъ на Кавказъ не испросивъ на это должнаго разрѣшенія, рискуя, такимъ образомъ, надѣлать себѣ большихъ непріятностей. Какая же была цѣль его поѣздки? По словамъ библіографовъ, различныя житейскія невзгоды, несправедливости, а также любовь, зародившаяся еще годъ тому назадъ, къ будущей женѣ его Н. Н. Гончаровой, дѣлали его чрезвычайно безпокойнымъ... Онъ томился жаждой сильныхъ и новыхъ ощущеній... Сначала онъ просился, чтобы его прикомандировали къ главной квартирѣ на время турецкой войны. Вскорѣ по возвращеніи съ Кавказа онъ даже желалъ сопровождать нашу миссію въ Китай.

По другой версіи онъ поѣхалъ на Кавказъ лечиться на водахъ, но потомъ у него явилось желаніе видѣть войну, и онъ отправился къ войскамъ Паскевича въ Азіатскую Турцію *).

На вопросъ тогдашняго шефа жандармовъ Бенкендорфа о причинѣ поѣздки Пушкинъ отвѣчалъ: «что отправился на Кавказъ для свиданія съ своимъ братомъ, который служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и съ которымъ онъ не видался 5 лѣтъ; что въ Тифлисъ онъ прибылъ, когда войска уже на-

*) Русскіе бывшіе дѣятели. Спб. 1878. т. II. стр. 114.

ходились въ походѣ противъ турокъ, а потому онъ, черезъ друга своего Николая Раевскаго *), испросилъ у фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго дозволеніе прибыть въ армію; что сверхъ того ему любопытно было взглянуть на театръ войны и на мѣста, которыя могутъ дать ему матеріалъ для сочиненій».

Какъ бы то ни было, но Пушкину удалось, такимъ образомъ, проѣхать по Военно-грузинской дорогѣ, черезъ Тифлисъ и далѣе, не малую часть Закавказья и затѣмъ побывать вторично на Сѣверномъ Кавказѣ.

Результатомъ его поѣздки явились нѣсколько стихотвореній и извѣстное ея описаніе, напечатанное въ „Современникѣ“ 1836 года подъ заглавіемъ „Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года“. Описаніе это, разумѣется, вошло и во всѣ полныя изданія сочиненій великаго поэта, сначала съ нѣкоторыми сокращеніями, а потомъ въ полномъ своемъ объемѣ.

Отзывы современныхъ Пушкину критиковъ объ этомъ произведеніи, котораго мы не приводимъ въ виду того, что оно хорошо должно быть извѣстно всей массѣ читающей публикѣ, были не совсѣмъ доброжелательны.

Такъ въ № 129 „Сѣверной Пчелы“ за 1836 годъ

*) Николай Николаевичъ Раевскій, генералъ-маіоръ; впослѣдствіи, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ начальникомъ Кавказской береговой линіи. Умеръ въ 1843 году.

Булгаринъ пишетъ, что: „Путешествіе въ Арзрумъ есть ничто иное, какъ холодныя записки, въ которыхъ нѣтъ и слѣда поэзіи. Новаго здѣсь—извѣстія о тифлисскихъ баняхъ; но люди, бывшіе въ Тифлисѣ говорятъ, что и это не вѣрно".

Затѣмъ даже такой большой поклонникъ Пушкина, какъ Бѣлинскій писалъ слѣдующее въ „Молвѣ при Гелескопѣ" 1836 года: „Путешествіе въ Арзрумъ есть одна изъ тѣхъ статей, которыя хороши не по своему содержанію, а по имени, которое подъ ними подписано. Въ самомъ дѣлѣ если есть на свѣтѣ такіе люди, которые за что-бы не принялись все портятъ, которые ничего порядочно не умѣютъ сдѣлать, то есть и такіе, которые ничего не умѣютъ сдѣлать дурно. Статья Пушкина не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что-бы вы, прочтя ее, могли пересказать, чтобы васъ особенно поразило; но ее нельзя читать безъ увлеченія, нельзя не дочитать до конца, если начнешь читать".

Кромѣ того Пушкину дѣлали упреки журналисты, что онъ не оправдалъ изъ ожиданій, поѣхавъ въ такой-де чудный край, какъ Кавказъ, гдѣ могъ-бы „напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать въ потомство великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. „Мы думали, сказано въ № 37 „Сѣверной Пчелы" за 1830 г., что великія событія на востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе

всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбудятъ геній нашихъ поэтовъ: мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными...“

Современный намъ знатокъ Пушкина Л. Н. Майковъ высказалъ болѣе справедливое сужденіе о произведеніи поэта. По его мнѣнію: „Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года“ составляетъ не только прекрасное литературное произведеніе, но и драгоцѣнный матеріалъ для біографіи поэта. Значеніе этого путеваго дневника возвышается еще однимъ обстоятельствомъ: при посѣщеніи Кавказскаго края въ 1829 году Пушкинъ встрѣтилъ тамъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ и пріобрѣлъ не мало новыхъ; нѣкоторые изъ нихъ записали свои воспоминанія о тогдашнихъ сношеніяхъ своихъ съ нимъ и ихъ разсказы служатъ полезнымъ дополненіемъ къ тому, что самъ поэтъ сообщилъ о своемъ пребываніи въ Грузіи, въ арміи Паскевича и на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ“ *).

Къ сожалѣнію до сихъ поръ подобныя дополненія оказывалиеь по большей части сомнительными по своей правдивости, какъ напримѣръ разсказъ П. К. Мартьянова о встрѣчѣ на Кавказѣ Пушкина съ Бестужевымъ **), или статья Н. Б. Потоцкаго о встрѣчахъ съ Пушкинымъ въ 1824 и 1829 годахъ ***).

---

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1893. № 9. стр. 151. Историко-литературные очерки. Спб. 1895. стр. 223.

**) „Историческій Вѣстникъ“. 1885. № 11.

***) „Русская Старина“. 1880. т. 28.

Первое мѣсто изъ всѣхъ лицъ, оставившихъ воспоминанія о Пушкинѣ на Кавказѣ, принадлежитъ, по мнѣнію Л. Н. Майкова, одному изъ пріятелей поэта М. И. Пущину. Воспоминанія его могутъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ поэтомъ, тѣмъ болѣе, что во второй ихъ части сообщаются совершенно новыя свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ 1829 году на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Появилиеь они на свѣтъ благодаря тому-же г. Майкову, нашедшему ихъ въ бумагахъ П. В. Анненкова, которому были переданы въ 1857 г. при посредствѣ графа Л. Н. Толстаго.

Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, гвардейскій офицеръ въ чинѣ капитана, былъ замѣшанъ въ дѣло 14 Декабря, за что разжалованъ и сосланъ: сначала въ Сибирь, а потомъ переведенъ на Кавказъ, гдѣ принималъ участіе въ Персидской и Турецкой компаніяхъ 1827—1829 гг. Въ 1831 году онъ оставилъ военную и былъ на гражданской службѣ, но въ 1865 г. былъ переименованъ въ генералъ-маіоры и умеръ въ 1869 г. комендантомъ Бобруйской крѣпости.

Встрѣча ихъ съ Пушкинымъ на Кавказѣ произошла слѣдующимъ образомъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1829 года, Пущинъ возвращаясь изъ рекогносцировки съ партіей линейныхъ казаковъ въ лагерь, расположенный на Эрзерумской дорогѣ зашелъ въ палатку Н. Н. Раевскаго, гдѣ въ то время уже находился Пушкинъ.

„Не могу описать моего удивленія и радости,

разсказываетъ Пущинъ, когда тутъ А. С. Пушкинъ бросился меня цѣловать и первый его вопросъ былъ: „Ну, скажи, Пущинъ: гдѣ турки, и увижу ли я ихъ; я говорю о тѣхъ туркахъ, которые бросаются съ крикомъ и оружіемъ въ рукахъ. Дай пожалуйста мнѣ видѣть то, зачѣмъ сюда съ такими препятствіями пріѣхалъ!“ Могу тебя порадовать, отвѣчалъ ему Пущинъ, турки не замедлять представиться тебѣ на смотръ; полагаю даже, что они сегодня вызовутъ насъ изъ нашего бездѣйствія; если-же они не атакуютъ насъ, то я съ Бурцовымъ *) завтра непремѣнно постараюсь заставить ихъ бросить свою позицію, съ фронта неприступную, движеніемъ обходнымъ, планъ котораго отсюда же понесу Паскевичу, когда онъ проснется“.

„Живые разговоры съ Пушкинымъ, Раевскимъ и Сакеномъ **) за стаканами чая, продолжаетъ Пущинъ, приготовили насъ встрѣтить турокъ грудью. Пушкинъ радовался какъ ребенокъ тому ощущенію, которое его ожидаетъ. Я просилъ его не отдѣляться отъ меня при встрѣчѣ съ непріятелемъ, обѣщалъ ему быть тамъ, гдѣ болѣе опасности, между тѣмъ не желалъ-бы его видѣть ни раненымъ, ни убитымъ. Раев-

*) Бурцевъ, Иванъ Григорьевичъ, въ 1829 г. былъ убитъ близъ Байбухта въ чинѣ генералъ-маіора.

**) Баронъ, Остенъ-Сакенъ, Дмитрій Ерофѣевичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ войну 1828—29 гг., впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи, и графъ. Умеръ въ 1871 году.

скій не хотѣлъ его отпускать отъ себя, а самъ на этотъ разъ, по своему высокому положенію, хотѣлъ держать себя какъ можно дальше отъ выстрѣла турецкаго, особенно же отъ ихъ сабли или курдинской пики,—Пушкину же мое предложеніе болѣе улыбалось. Въ это время вошелъ Семичевъ (маіоръ Нижегородекаго драгунскаго полка, сосланный на Кавказъ изъ Ахтырскаго гусарскаго полка) и предложилъ Пушкину находиться при немъ, когда онъ выѣдетъ впередъ съ фланерами полка. На чемъ Пушкинъ остановился—не знаю, потому что меня позвали къ главнокомандующему, который вслѣдствіе моихъ донесеній послалъ подкрѣпить аванпосты, приказавъ соблюдать величайшую бдительность; всему отряду приказано было готовиться къ дѣйствію".

Схватка съ турками произошла въ тотъ же день. „Еще мы не кончили обѣда у Раевскаго съ Пушкинымъ, его братомъ Львомъ и Семичевымъ, повѣствуетъ далѣе Пущинъ, какъ пришли сказать, что непріятель показался у аванпостовъ. Мы всѣ бросились къ лошадямъ, съ утра осѣдланнымъ. Не успѣлъ я выѣхать, какъ уже попалъ въ схватку казаковъ съ наѣздниками турецкими, и тутъ же встрѣчаю Семичева, который спрашиваетъ меня: не видалъ ли я Пушкина? Вмѣстѣ съ нимъ мы поскакали его искать и нашли отдѣлившагося отъ фланкирующихъ драгунъ и скачущаго съ саблею на голо, противъ турокъ, на него летящихъ. Приближеніе наше, а за нами уланъ съ

Юзефовичемъ, скакавшимъ насъ выручать, заставило турокъ въ этомъ пунктѣ удалиться,—и Пушкину не удалось попробовать своей сабли надъ турецкой башкой, и онъ, хотя съ неудовольствіемъ, но насъ болѣе не покидалъ, тѣмъ болѣе, что нападеніе турокъ со всѣхъ сторонъ было отражено, и кавалерія наша, преслѣдовавъ ихъ до самаго укрѣпленнаго ихъ лагеря, возвратилась на прежнюю позицію до наступленія ночи“ *).

Послѣ перестрѣлки русская армія начала двигаться впередъ и чрезъ нѣсколько дней Пущинъ наткнул-

*) Объ этомъ участіи Пушкина въ схваткѣ съ турками, Ушаковъ, въ своей извѣстной „Исторіи военныхъ дѣйствій въ 1828 и 1829 годахъ“ (Варшава. 1843. ч. 2. стр. 303), сообщаетъ дословно слѣдующее: „Перестрѣлка 14 іюня 1829 года замѣчательна потому, что въ ней участвовалъ славный поэтъ нашъ А. С. Пушкинъ. Онъ прибылъ къ нашему корпусу въ день выступленія на Саганлугъ и былъ обласканъ графомъ Эриванскимъ. Когда войска, совершивъ трудный переходъ, отдыхали въ долинѣ Инжа-су, непріятель внезапно атаковалъ передовую цѣпь нашу, находившуюся подъ начальствомъ подполковника Басова. Поэтъ въ первый разъ услышавъ около себя столь близкіе звуки войны, не могъ не уступить чувству энтузіазма. Въ поэтическомъ порывѣ онъ тотчасъ выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ. Опытный маіоръ Семичевъ, посланный генераломъ Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой линіи казаковъ, въ ту минуту когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватилъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противу непріятельскихъ всадниковъ. Можно повѣрить что Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ передъ собою незнакомаго ге-

ся въ ночномъ своемъ разъѣздѣ на все войско серакскира, выступившее изъ Гассанъ-Кале. „По сообщеніи извѣстія объ этомъ Пушкину, говоритъ Пущинъ, въ немъ разыгралась африканская кровь, и онъ сталъ прыгать и бить въ ладоши, говоря, что на этотъ разъ онъ непремѣнно схватится съ туркомъ; но схватиться ему опять не удалось, потому что онъ не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ его отпускать отъ себя не только во время сраженія, но на привалахъ, въ лагерѣ, и вообще всегда, на всѣхъ répos и въ свободное отъ занятій время, за нимъ посылалъ и порядочно—по словамъ Пушкина—ему надоѣлъ. Правду сказать, со всѣмъ желаніемъ Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не

роя въ круглой шляпѣ и въ буркѣ. Это былъ первый и послѣдній военный дебютъ любимца музъ на Кавказѣ".

Самъ Пушкинъ, въ „Путешествіи", какъ извѣстно, лишь слегка упоминаетъ объ своемъ участіи въ перестрѣлкѣ. Но его словамъ когда донесли, что турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ постахъ, то: „я поѣхалъ съ Семичевымъ посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. Много-ли турковъ? спросилъ Семичевъ.—Свиньемъ валитъ, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущелье вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ выстроенныхъ въ лаву и надъ ними около 500 турковъ. Казаки отступали медленно: турки наѣзжади съ большою дерзостью, прицѣливались шагахъ въ 20 и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней, составляли рѣз-

было возможности, потому что непріятель уже болѣе насъ не атаковалъ, а вездѣ, до самой сдачи Арзерума, безъ оглядки бѣжалъ, и всѣ сраженія, громкія въ реляціяхъ, были только преслѣдованія непріятеля, который бросалъ по дорогѣ орудія, обозы, лагери и отсталыхъ своихъ людей. Всегда, когда мы сходились съ Пушкинымъ у меня или Раевскаго, онъ бѣсился на турокъ, которые не хотятъ принимать столь желаннаго имъ сраженія".

27 іюня Эрзерумъ былъ занятъ. Чрезъ нѣсколько дней Пущинъ уѣхалъ изъ арміи, сначала въ Тифлисъ, куда ему было поручено проводить плѣнныхъ пашей, а потомъ поѣхалъ для леченія на Кавказскія минеральныя воды. Въ Тифлисѣ къ нему присоединился

кую противоположность съ синими мундирами и простою сбруей казаковъ. Человѣкъ 15 нашихъ было уже ранено: Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ то время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались, но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставивъ на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный."

Существуетъ альбомъ, составлявшій собственность Е. Н. Ушаковой (вышедшей въ 1829 г. замужъ за С. Д. Киселева), за которой Пушкинъ ухаживалъ по возвращеніи съ Кавказа. Въ этомъ альбомѣ находится рисунокъ, принадлежащей самому Пушкину. Поэтъ изобразилъ себя въ буркѣ, въ круглой шляпѣ, съ казацкой пикой въ правой рукѣ, верхомъ на лошади. Съ рисунка этого, въ 1880 г. была снята художникомъ Пановымъ въ Москвѣ фотолитографія для „Альбома Пушкинской выставки.

нѣкто Дороховъ, сынъ партизана 1812 г., человѣкъ извѣстный своимъ буйнымъ нравомъ, нѣсколько разъ разжалованный солдатомъ и впослѣдствіи, въ 1852 г. году, убитый въ Малой Чечнѣ. Съ этимъ господиномъ Пущинъ выѣхалъ въ своей коляскѣ изъ Тифлиса въ Пятигорскъ, условившись напередъ ѣхать вмѣстѣ лишь до первой драки Дорохова съ кѣмъ бы то ни было.

Не успѣли они доѣхать до Душета, какъ Дороховъ избилъ ни въ чемъ неповиннаго своего деньщика, вслѣдствіе чего Пущинъ, несмотря на клятвенныя обѣщанія Дорохова вести впередъ себя прилично, уѣхалъ въ своей коляскѣ одинъ, оставивъ своего спутника на станціи.

Въ Владикавказѣ Пущину пришлось ожидать нѣсколько дней оказіи. Наканунѣ того дня какъ онъ долженъ былъ выѣхать къ нему неожиданно вбѣгаетъ Пушкинъ, объявляя, что онъ его догонялъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать на воды. „Понятно какъ я обрадовался такому товарищу, пишетъ Пущинъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Послѣ первыхъ распросовъ другъ у друга, Пушкинъ мнѣ объявляетъ, что у него есть до меня просьба, и впередъ проситъ не отказать въ исполненіи ея. Конечно я обрадовался чѣмъ-нибудь служить ему. Дѣло состояло въ томъ, что-бы я позволилъ Дорохову ѣхать вмѣстѣ съ нами, что Дороховъ проситъ у меня прощенія и позволяетъ мнѣ прибить себя, если онъ кого-нибудь ударитъ при мнѣ. Долго я не хотѣлъ на

это согласиться, увѣряя Пушкина, что Дороховъ по натурѣ своей не можетъ не драться. Пушкинъ все свое краснорѣчіе употреблялъ, чтобы меня уговорить согласиться на его просьбу, находя тьму граціи въ Дороховѣ и много прелести въ его товариществѣ. Въ этомъ я былъ совершенно съ нимъ согласенъ и наконецъ согласился на убѣдительную его просьбу принять Дорохова въ наше товарищество. Пушкинъ побѣжалъ за Дороховымъ и привелъ его ко мнѣ съ повинною вытянутою фигурою, до того комическою, что мы съ Пушкинымъ расхохотались, и я Дорохову на мировую протянулъ руку, но только позволилъ себѣ сдѣлать съ обоими новый уговоръ—во все время нашего слѣдованія въ товариществѣ до водъ въ карты между собою не играть. Скрѣпя сердце, оба дали мнѣ въ томъ честное слово. Пушкинъ приказалъ притащить ко мнѣ свои и Дорохова вещи, и между прочимъ, ящикъ отличнаго рейнвейна, который ему Раевскій далъ на дорогу. Мы тутъ же роспили нѣсколько бутылокъ".

Путешествіе пріятелей отъ Владикавказа до Пятигорска обошлось благополучно. Они всѣ трое ѣхали въ одной колескѣ. „Иногда Пушкинъ, разсказываетъ Пущинъ, садился на казачью лошадь и ускакивалъ отъ отряда, отыскивая приключеній или встрѣчи съ горцами, встрѣтивъ которыхъ намѣревался, ускакивая отъ нихъ, навести ихъ на нашъ конвой и орудіе; но ни приключеній, ни горцевъ во всю дорогу онъ не

нашелъ. Тяжело было обоимъ во время приваловъ и ночлеговъ; одинъ не смѣлъ бить своего деньщика, а другой не смѣлъ заикнуться о картахъ, пытаясь однако у меня нѣсколько разъ о сложеніи тягостнаго для него уговора. Одинъ рейнвейнъ услаждалъ общую нашу скуку, и въ ящикѣ немного его осталось, когда четверка лошадей уже не шагомъ, а рысью повезла насъ изъ Екатеринодара въ Пятигорскъ. Въ Пятигорскѣ я не намѣренъ былъ оставаться; для раны моей мнѣ надлежало ѣхать прямо въ Кисловодскъ. Пріѣхавши въ Пятигорскъ я собрался сейчасъ же все осмотрѣть и приглашалъ съ собою Пушкина; но онъ отказался, говоря, что знаетъ тутъ все, какъ свои пальцы, что очень усталъ и желаетъ отдохнуть. Это ужъ было въ началѣ августа; мнѣ нужно было спѣшить къ Нарзану, и потому я объявилъ Пушкину, что на другой же день намѣренъ туда ѣхать, и если онъ со мной не поѣдетъ, то когда мнѣ его ожидать? „Могу тебѣ только то сказать, что не замедлю здѣсь лишняго дня; только завтра съ тобою ѣхать не въ состояніи; хочу здѣсь день-другой отдохнуть“. Получивши этотъ отвѣтъ Пушкина, я пошелъ осматривать источники, гулянья и городъ, что заняло меня на нѣсколько часовъ. Возвращаясь домой послѣ заката солнца къ вечернему чаю, нахожу Пушкина, играющаго въ банкъ съ Дороховымъ и офицеромъ Павловскаго полка Астафьевымъ. „La glace est rompue“, говоритъ мнѣ Пушкинъ,—„довольно мы терпѣли связан-

ные словомъ, но вѣдь, слово было дано до водъ; на водахъ мы выходимъ изъ-подъ твоей опеки, и потому не хочешь ли поставить карточку? Вотъ господинъ Астафьевъ мечетъ отвѣтной". „Ты совершенно правъ, Пушкинъ. Слово было дано—не играть между собою до водъ; ты сдержалъ слово благородно, и мнѣ остается только удивится твоему милому и покладистому характеру". Пушкинъ въ этотъ вечеръ выигралъ нѣсколько червонцевъ; Дороховъ проигралъ, кажется, болѣе, чѣмъ желалъ проиграть; Астафьевъ и Пушкинъ кончили игру въ веселомъ расположеніи духа, а Дороховъ угрюмый отошелъ отъ стола. Когда Астафьевъ ушелъ, я просилъ Пушкина разсказать мнѣ, какъ случилось, что, не будучи знакомъ съ Астафьевымъ я нашелъ его у себя, съ нимъ играющаго. „Очень просто", отвѣчалъ Пушкинъ;—„мы, какъ ты ушелъ, послали за картами и начали играть съ Дороховымъ; Астафьевъ, проходя мимо, зашелъ познакомиться; мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что онъ—добрый малый и любитъ въ карты поиграть". „Какъ бы я желалъ, Пушкинъ, чтобы ты скорѣй пріѣхалъ въ Кисловодскъ и далъ мнѣ обѣщаніе съ Астафьевымъ въ карты не играть". „Нѣтъ, братъ, дудки! Обѣщанія не даю, Астафьева не боюсь и въ Кисловодскъ пріѣду скорѣй, чѣмъ ты думаешь". Но на повѣрку вышло не такъ: болѣе недѣли Пушкинъ и Дороховъ не являлись въ Кисловодскъ, наконецъ пріѣхали вмѣстѣ, оба продувшіеся до копѣйки.

Пушкинъ проигралъ тысячу червонцевъ, взятыхъ имъ на дорогу у Раевскаго. Пріѣхалъ ко мнѣ съ твердымъ намѣреніемъ вести жизнь правильную и много заниматься; приказалъ моему Кирилову приводить ему по утрамъ одну изъ лошадей моихъ и ѣздилъ кататься верхомъ. Мнѣ странна показалась эта новая прихоть; но скоро узналъ я, что въ Солдатской слободкѣ около Кисловодска поселился Астафьевъ, и Пушкинъ всякое утро къ нему заѣзжалъ. Ожидая, что изъ этого выйдетъ, я скрывалъ отъ Пушкина мои розысканія о немъ. Однажды, возвратившись съ прогулки, онъ высыпалъ при мнѣ нѣсколько червонцевъ на столъ. „Откуда Пушкинъ, такое богатство?“ „Долженъ тебѣ признаться, что я всякое утро заѣзжаю къ Астафьеву и довольствуюсь каждый разъ выигрышемъ у него нѣсколькихъ червонцевъ. Я его мелкимъ огнемъ бью, и вотъ сколько ужъ вытащилъ у него моихъ денегъ“. Всего имъ было наиграно червонцевъ двадцать. Долго бы пришлось Пушкину отыгривать свои тысячу червонцевъ, еслибъ Астафьевъ не разсудилъ скоро оставить Кисловодскъ.

Занимался Пушкинъ, живя на водахъ, не смотря на свое первоначальное намѣреніе, мало. Вообще пріятели вели жизнь довольно разгульную. По словамъ Пушкина, они часто обѣдали у П. В. Шереметева, жившаго въ одномъ съ ними домѣ Реброва. Шереметевъ кормилъ ихъ отлично и къ обѣду своему собиралъ довольно большое общество.

А послѣ обѣда...

. . . въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ:
И приписывали,
И отписывали,
Мѣломъ.

Тутъ, разсказываетъ Пущинъ, явилась замѣчательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина, сарапульскій городничій Дуровъ, братъ той Дуровой, которая служила въ какомъ-то гусарскомъ полку во время 1812 года, получила георгіевскій крестъ и послѣ не оставляла мужскаго платья, въ которомъ по наружности ея, рябой и мужественной, никто не могъ ее принять за дѣвицу. Цинизмъ Дурова восхищалъ и удивлялъ Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь разсказывать изъ своихъ приключеній, которыя заставляли Пушкина хохотать отъ души; съ утра онъ отыскивалъ Дурова и поздно вечеромъ разставался съ нимъ.

Наконецъ настало время отъѣзда. Пушкинъ хотѣлъ ѣхать до Москвы съ Дуровыхъ, но у нихъ не было денегъ. Пущинъ далъ Пушкину денегъ, и онъ уѣхалъ съ Дуровымъ. Потомъ Пушкинъ изъ Новочеркасска писалъ Пущину, что Дуровъ оказался chevalier d'industrie, выигралъ у него 5 тыс. рублей, которые Пушкинъ досталъ у наказнаго атамана. Послѣ этого

онъ съ Дуровымъ разстался, и одинъ уѣхалъ въ Москву *).

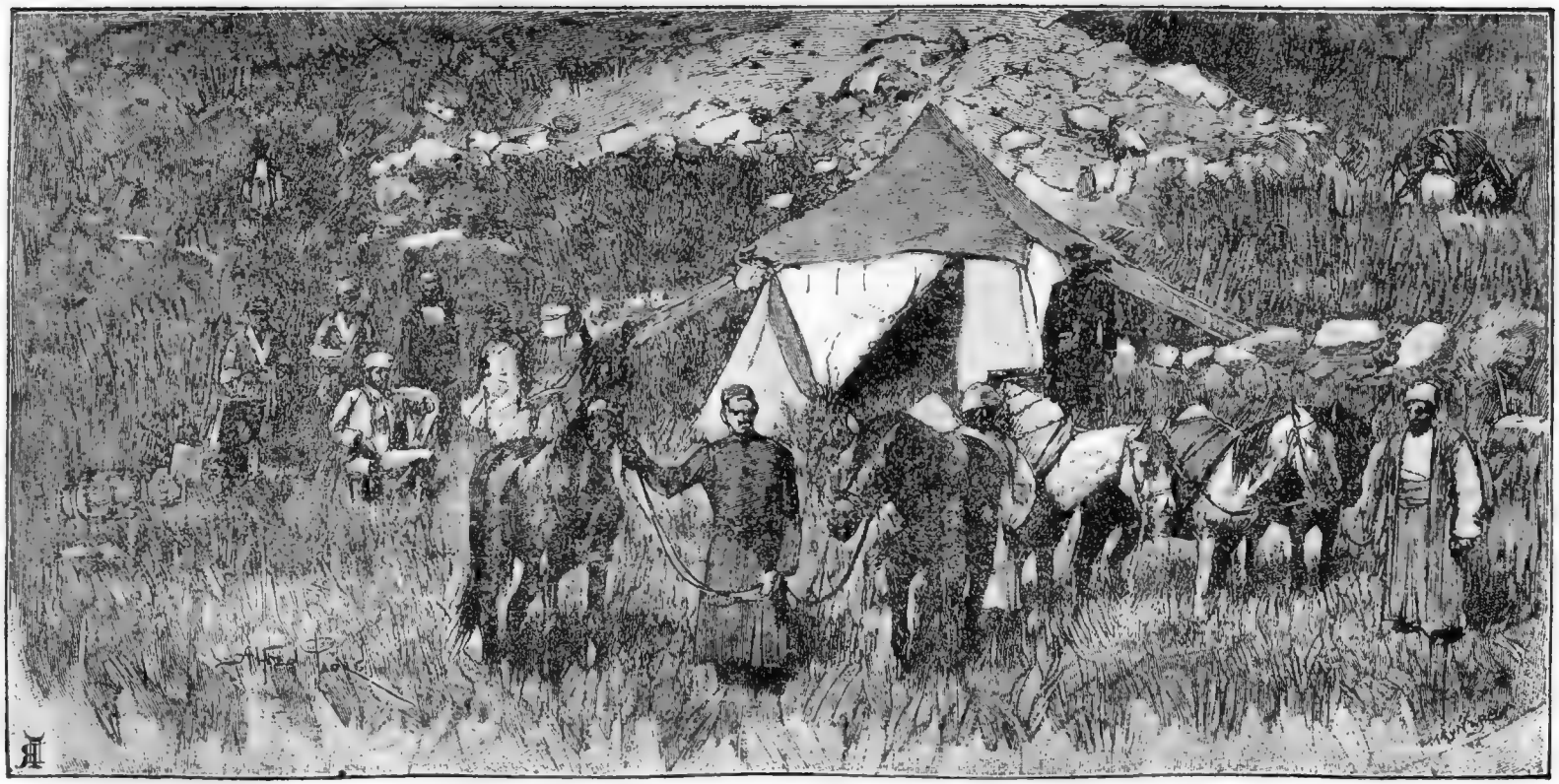
У Пущина остались на память отъ Пушкина стихи, написанные имъ на виньеткахъ изъ „Евгенія Онѣгина“, въ бывшемъ у Пущина „Невскомъ Альманахѣ“. На виньеткѣ, представляющей набережную Невы съ видомъ на крѣпость и Пушкинымъ, стоящимъ опершись на гранитъ и разговаривающимъ съ Онѣгинымъ, онъ сдѣлалъ надпись, которую печатаемъ съ замѣною одного слова.

Вотъ перешедши мостъ Кукушкинъ,
Опершись задомъ на гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ monsieur Онѣгинымъ стоитъ.
Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ.....
Не плюй въ колодезь, милый мой!.

На другой виньеткѣ, представляющей Татьяну въ рубашкѣ, спущенной съ одного плеча, читающую записку при лунѣ, свѣтящей въ раскрытое окно. Пушкинъ также сдѣлалъ надпись, состоящую изъ 12 стиховъ. Къ сожалѣнію, стихи эти неудобны для печати.

---

*) Въ 1833 году Пушкинъ писалъ: „Я познакомился съ нимъ (Дуровымъ) на Кавказѣ въ 1829 году, возвращаясь изъ Эрзерума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепсіи и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ“. Полн. собр. соч. Пушкина, замѣтка о Дуровѣ.



На Эрзерумской дорогѣ.

Какъ выше было сказано, нѣкоторые изъ современныхъ Пушкину журналистовъ дѣлали ему упреки за то, что онъ, будучи живымъ свидѣтелемъ славныхъ подвиговъ русскихъ воиновъ на Кавказѣ, не воспѣлъ ихъ въ сладкихъ пѣсняхъ для потомства. На эти упреки Пушкинъ уже въ 1835 году отвѣчалъ въ предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ“, что искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудой. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, что-бъ воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня, съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой— слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло“.

Но не одни военные подвиги, а и вообще такой чудный край, какъ Кавказъ, повидимому, не произвелъ на Пушкина должнаго поэтическаго впечатлѣнія. Занятый дѣлами, ничего общаго съ поэзіей не имѣющими, Пушкинъ мало обращалъ вниманія на красоты Кавказской природы, и результатомъ его посѣщенія края явилось всего нѣсколько мелкихъ стихотвореній, которыя мы приводимъ здѣсь. Впрочемъ одно изъ нихъ „Галубъ“ есть начало, повидимому, большого произведенія, но, къ сожаленію, оно осталось безъ конца.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Монастырь на Казбекѣ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чудь видный надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда-бъ, сказавъ прости ущелью
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда-бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!

Обвалъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средъ волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,

И Терека могушій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ,
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

Делибашъ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;

На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ ..
Посмотрите, каковы!..
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

Отрывокъ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ—оттого,
Что не любитъ оно не можетъ

Изъ Гафиза.

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавый
Съ карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встрѣтитъ:
Азраилъ среди мечей
Красоту твою замѣтитъ—
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда!

---

* *
*

Во время оное, былое
Въ тѣ дни ты зналъ меня Кавказъ,
Въ свое святилище глухое
Ты призывалъ меня не разъ.
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
Меня привѣтствовалъ ты шумно...

Галубъ.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,

Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба-старика.
Въ нежданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убитъ
Вблизи развалинъ Татартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальный;
Звучитъ уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоятъ предъ саклею печальной.
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И внемля шумъ не боевой,
Мятутся спутанные кони.
Всѣ ждутъ. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ
Слагаютъ тѣло на арбу
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинскій:
Неразряженную пищаль
Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинскій.
И шашки крестовую сталь,—
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,

Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смиряя молча пылъ коней.
Ужъ потухалъ закатъ огнистый,
Златя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихіе волы.
Въ долинѣ той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой—
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...

Ужъ трупъ землею взятъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ сѣдой и отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойный!
„Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго чеченца.

Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
Другого я привелъ тебѣ,—
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь;
Труды мои ты самъ оцѣнишь—
Хвалиться ими не хочу".

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуясь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать
И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнитъ,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидъ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранитъ.
Среди родимаго аула
Онъ какъ чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ, молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ:
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бури голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольнаго куда
Младые сны его уводятъ?..
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ
Какъ вѣтеръ въ небѣ. .
Но отецъ
Уже Тазитомъ недоволенъ.
„Гдѣ жъ, мыслитъ онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?

Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ.
Иль обманулъ меня старикъ?“

Тазитъ изъ табуна выводить
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его;
На третій онъ домой приходитъ.
Отецъ: Гдѣ былъ ты, сынъ?
Сынъ: Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріалъ
Отецъ: Что дѣлалъ тамъ?
Сынъ: Я слушалъ Терекъ.
Отецъ: А не видалъ ли ты грузинъ,
Иль русскихъ?
Сынъ: Видѣлъ я съ товаромъ
Тифлисскій ѣхалъ армянинъ.
Отецъ: Онъ былъ со стражей?
Сынъ: Нѣтъ, одинъ.
Отецъ: Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

Потупилъ очи сынъ черкеса,
Не отвѣчая ничего.
Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,

Потомъ является домой
Отецъ; Гдѣ былъ?
Сынъ: За бѣлою горой.
Отецъ: Кого ты встрѣтилъ?
Сынъ: На курганѣ
Отъ насъ бѣжавшаго раба.
Отецъ: О, милосердная судьба!
Гдѣ-жъ онъ! Ужели на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
„Нѣтъ, мыслитъ онъ, не замѣнитъ
Онъ никогда другого брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды,—
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать".

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ;

На третій блѣденъ, какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?
Сынъ: Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ ..
Отецъ: Кого ты видѣлъ?
Сынъ: Супостата.
Отецъ: Кого, кого?
Сынъ: Убійцу брата.
Отецъ: Убійцу сына моего?...
Тазитъ! гдѣ голова его?
Подай! мнѣ черепъ этотъ нуженъ ..
Дай, нагляжусь!
Сынъ: Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безороженъ...
Отецъ: Ты долга крови не забылъ?
Врага ты навзничь опрокинулъ,—
Не правда ли? Ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?...
Гдѣ жъ голова? Подай!... Нѣтъ силъ...

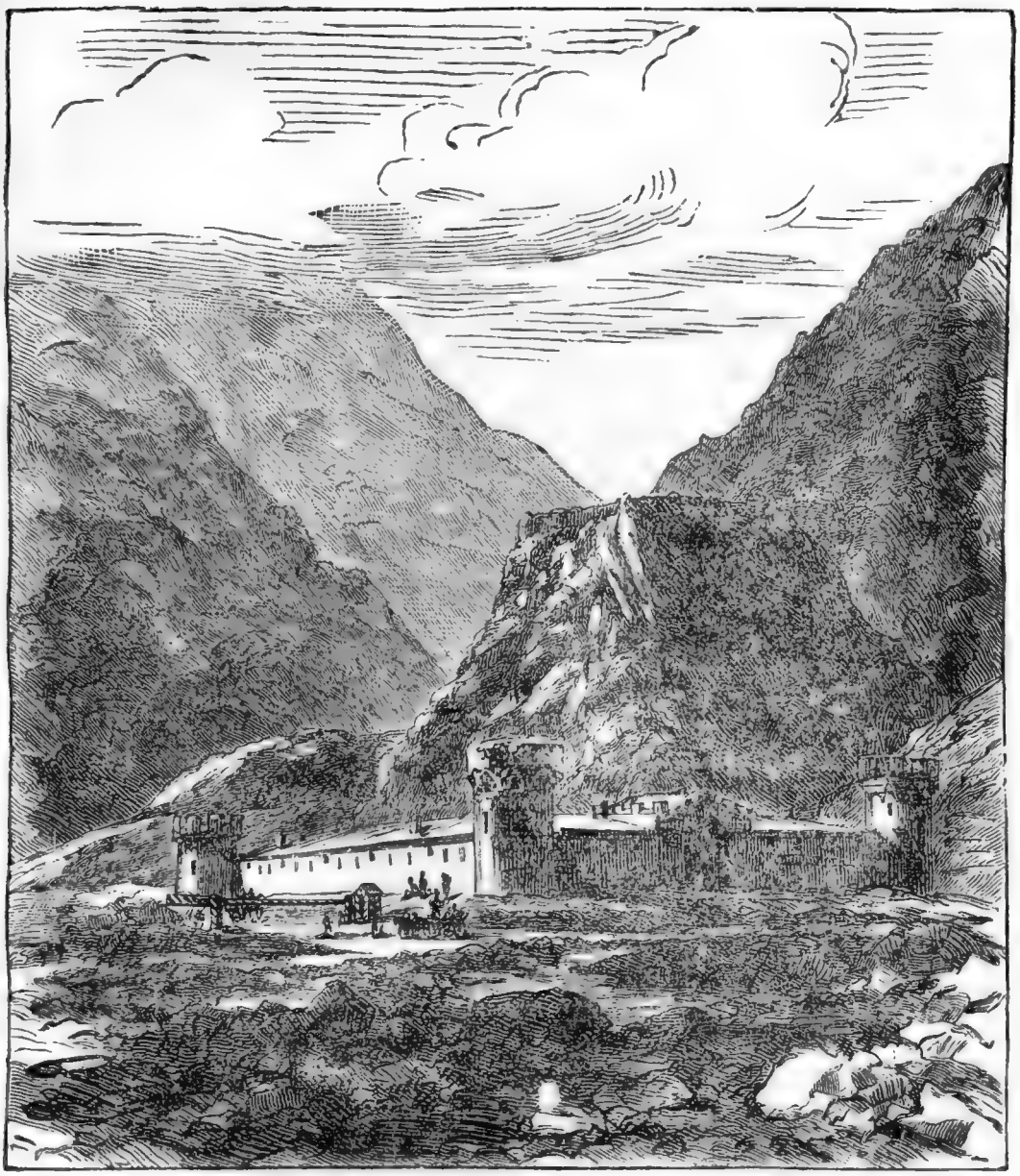
Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи,
И сыну грозно возопилъ:

„Поди ты прочь, ты мнѣ—не сынъ,
Ты—не чеченецъ, ты—старуха,
Ты—трусъ, ты—рабъ, ты—армянинъ!
Будь проклятъ мной!—Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты, какъ раненый олень
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
Чтобъ дѣти русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали
И какъ волченка затерзали
Чтобъ ты... Бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей“
Сказалъ и на-земь легъ—и очи
Закрылъ и такъ лежалъ до ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ теменъ синій небосклонъ...

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинѣ шумно собрались,
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ.
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ

Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ—и гулъ лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.
Но между юношей - одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ.
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлитъ.
Но между дѣвами—одна
Молчитъ, уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четою странной
Стоятъ, не видя ничего.
И горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его...
О, было время!.. Съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу,
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И, отвѣчая, не глядѣла,
И разгоралась, какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,

И долго кованый кувшинъ
Волною звонкой наполняла...
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: „твоя мнѣ дочь
Давно мила: по ней тоскуя,
Одинъ и сиръ давно живу я;
Благослови любовь мою,
Я бѣденъ— но могучъ и молодъ,
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ—кунакъ надежный,
А ей—приверженный супругъ...“



По Военно-грузинской дорогѣ.

Въ первый разъ Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ на Кавказѣ въ 1820 году. На этотъ разъ пребываніе его ограничилось Сѣвернымъ Кавказомъ, гдѣ онъ лечился минеральными водами. Пріѣхавъ въ маѣ мѣсяцѣ 1820 года въ Екатеринославъ на службу, Пушкинъ вскорѣ занемогъ, простудившись, купаясь въ Днѣпрѣ. Въ то время чрезъ Екатеринославъ проѣзжалъ съ семьей его петербургскій знакомый, ветеранъ 12-го года, командовавшій въ то время 4-мъ корпусомъ въ первой арміи, генералъ Николай Николаевичъ Раевскій и рѣшилъ взять Пушкина съ собой. Тогдашній начальникъ поэта Инзовъ далъ отпускъ и Пушкинъ отправился на воды съ Раевскимъ и его сыномъ, и двумя дочерьми Маріей и Софіей, ихъ гувернанткой миссъ Маттенъ, компаніонкой и военнымъ докторомъ Рудковскимъ.

Объ этой поѣздкѣ Пушкинъ довольно подробно разсказываетъ въ письмѣ къ своему брату Льву Сергѣевичу изъ Кишинева, отъ 24-го сентября 1820 года *). „Пріѣхавъ въ Екатеринославль, пишетъ онъ, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупал-

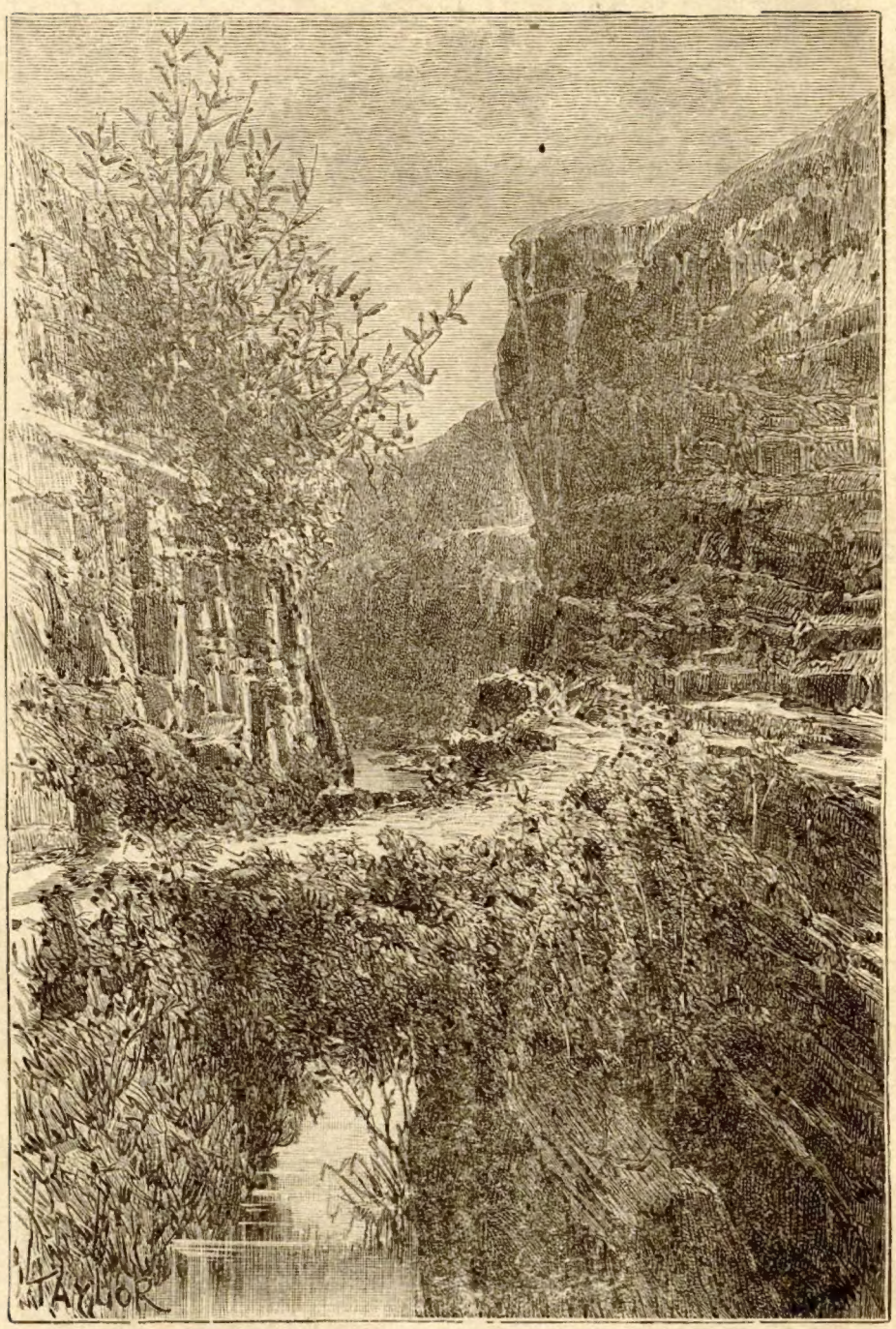
*) Послѣ своей поѣздки на Кавказъ Пушкинъ возвратился не въ Екатеринославль, а въ Кишиневъ, такъ какъ комитетъ, въ которомъ онъ служилъ, былъ переведенъ въ этотъ городъ. Пробывъ тутъ около трехъ лѣтъ, перешелъ на службу въ Одессу въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора князя М. С. Воронцова. Кстати интересенъ отзывъ этого, извѣстнаго своею мудростью и прозорливостью, лица о великомъ поэтѣ. Въ письмѣ своемъ къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ

ся и схватилъ горячку; по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкой оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь **), я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылечился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды были мнѣ очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мной вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разно-

---

гр. Нессельроде, онъ, между прочимъ, такъ характеризуетъ поэта: „Пушкинъ въ сущности только слабый подражатель, не совсѣмъ почтеннаго образца—лорда Байрона—и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ, могъ-бы оплодотворить свои счастливыя „способности, въ которыхъ ему невозможно отказать“. (Соч. Пушкина, изд. Павленкова. Спб. 1897. стр. XXVII).

**) Письма Инзова объ этой поѣздкѣ напечатаны въ Русск. Архивѣ, 1863, № 12.



Цѣна 25 коп.